

С.А. КРАВЧЕНКО

РАЗВИТИЕ ПРЕДМЕТА СОЦИОЛОГИИ: ОТ МОНОДИСЦИПЛИНАРНОСТИ К МЕЖ- И ПОСТДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sociol7@yandex.ru).

Аннотация. Анализируется характер динамики предмета социологии исходя из того, что все социологические парадигмы изучали состояния и тенденции изменения жизненного мира людей. Представители каждой из них осуществляли это по-своему, что было обусловлено доминирующими общественными проблемами. Обосновывается, что ускоряющееся и усложняющееся развитие природы и социума под влиянием эффекта «стрелы времени» (И. Пригожин) востребовало усложнения теоретико-методологического инструментария, перехода от механистической, заимствованной у естественных наук монодисциплинарности к социологической дисциплинарности, от нее к усложняющейся междисциплинарности и становлению постдисциплинарности, сохраняющей социологический стержень. Раскрывается вклад всемирных социологических конгрессов XXI в., отдельных ученых в развитие предмета социологической науки в контексте перехода от ньютоновской к нелинейно-энштейновской картине мира. Автор приходит к выводу, что переход к более сложным, современным меж- и постдисциплинарным методологиям не означает умаления значимости ранее созданного инструментария – каждый из них может быть эффективен для анализа феноменов разной структурно-функциональной сложности. Он также выступает за придание постдисциплинарности с социологическим стержнем гуманистического вектора развития, видя в этом общие перспективы гуманизации знания и жизненных миров людей в условиях цифровых технологий, несущих невиданные ранее альтернативы жизни и побочные эффекты для человека и общества.

Ключевые слова: предмет социологии • поколение социологической теории • мета-парадигма • «стрела времени» • ньютоновская картина мира • энштейновская картина мира • нелинейность • монодисциплинарность • междисциплинарность • постдисциплинарность • метаморфозы • гуманизм

DOI: 10.31857/S013216250008794-6

Происходит ускоряющееся и усложняющееся развитие природы и социума, что обусловлено эффектом «стрелы времени» [Пригожин, 2001]; в этом контексте идет становление научного знания: теории все быстрее «устаревают», их место занимают другие, основанные на более сложном инструментарии, позволяющем адекватнее отражать происходящие изменения. Ныне данный процесс становится все более рельефно выраженным: климатические турбулентности, вызовы, обусловленные технологиями и процессами цифровизации, изменения флоры и фауны, общественные парадоксы и метаморфозы, реконфигурация международного лидерства и мир-системных отношений привели к «концу определенности» [Prigogine, 1997]. Трансформации столь велики, что обусловили переход от ньютоновой к энштейновой картине мира, постулирующей доминирование нелинейного развития. Естественно, социологическая наука, основанная на принципе «организованного скептицизма» [Мертон, 2000: 165–166], не стоит в стороне от перемен: ее предмет меняется, усложняется теоретико-методологический инструментарий, возникают интегральные парадигмы, а на современном этапе – в прошлом казавшиеся

«эклектичными» синтезы с другими науками. Данные перемены побуждают вернуться к предмету социологии, проследив его зарождение, становление и усложняющуюся динамику, чтобы наметить возможные перспективные тренды развития.

Квинтэссенция предмета социологии, его динамика в контексте ньютоновской картины мира. В самом общем виде с момента зарождения и по настоящее время предметом практически всех социологических парадигм было и остается «изучение состояния и тенденций изменения жизненного мира, воплощенного в реально функционирующем общественном сознании, в реальном деятельностном поведении в условиях определенной социальной среды» [Тощенко, 2016: 8]. При этом предмет каждой *метaparадигмы*, включающей в себя относительно однородные парадигмы, имеет специфику, отражающую деятельность научных школ, воззрения конкретных ученых. По критерию способности теоретико-методологического инструментария анализировать ускоряющуюся социальную и культурную динамику нами были выделены пять поколений социологической теории в виде соответствующих пяти метaparадигм [Кравченко, 2007]. Каждое новое поколение социологической теории возникало лишь тогда, когда общество преодолевало очередной порог динамической сложности и инновационный теоретико-методологический инструментарий создавался для анализа реальных изменений жизни общества.

Первое поколение – *позитивистская метaparадигма* – социологические теории, предмет которых, по О. Конту, состоял в открытии *законов* действия и реакции различных частей социальной системы с целью «освобождения человеческого разума» [Comte, 1975: 379]. Г. Спенсер обосновывает закон *детерминированности общества* *увеличивающейся дифференциации*: «...превращение однородного в разнородное особенно характерно для эволюции индивидуальных и социальных организмов» [Спенсер, 1997: 289]. Этим ученых объединяет то, что общественное развитие рассматривалось ими как эволюционно-линейное, исходя из того, что природа и общество могут быть познаны одним и тем же теоретико-методологическим инструментарием. По существу, первые позитивистские теории основывались на методологии, которая может быть определена как *механистическая дисциплинарность*: использовались приемы и способы исследования, взятые преимущественно из физики и биологии, а также из философии и истории. Э. Дюркгеймом была реализована попытка обоснования основ *специфической социологической дисциплинарности*, что выразилось в принципиальном различии социальных фактов от фактов психологических [Дюркгейм, 1991].

Второе – *интерпретивная метaparадигма* – социологические теории, предмет которых состоял в изучении *смыслов* социальных действий людей в *определенном культурном и историческом контексте*, учитывая, что общие поведенческие ориентиры обусловлены конкретными ценностями, всегда *историчны и релятивны*. Отсюда вытекает востребованность принципиально *иной методологии* социальных наук, которая в отличие от естественных дисциплин *по-другому* трактует причинность: «...мы имеем дело только с *непонятной* (или не вполне понятной) *статистической вероятностью*» [Вебер, 1990: 612]. Такая методология предполагала собственно социологическую *дисциплинарность*, которая, однако, варьирует от весьма жестких границ предмета у Г. Зиммеля, выступавшего против включения в нее «бездомных и беспочвенных элементов», до *релятивной, динамичной* его трактовки М. Вебером: конструирование идеально-типических моделей основывалось на использовании исторического подхода.

Все монодисциплинарные подходы строились на принципах логоцентризма, формальной рациональности, прагматизма, того или иного детерминизма, что в целом вписывалось в ньютоновскую картину мира. Предмет социологии предполагал достаточно «жесткие» категории и понятия, обосновывавшие «универсальные» этапы развития всех обществ, – считалось, что все они проходят «единые стадии прогресса» в контексте восходящего развития от «низших» к более «высоким» социальным образованиям. Соответственно идеализировались социальные практики западной цивилизации, которая-де опережала другие по техническим, экономическим, социально-культурным и

демократическим параметрам. Институты и ценности западных стран (права человека, политические свободы) считались «референтными» для других народов.

Третье поколение представлено *интегральной метапарадигмой* – социологические теории, предмет которых сфокусирован на изучении *ускоряющейся и усложняющейся социальной и культурной динамики*, из чего вытекает естественность «старения» теорий, отказ от абсолютизации и «универсализации» методологии одной какой-либо парадигмы и соответственно от «чистой» монодисциплинарности. У П. Сорокина исследование динамики социума осуществляется посредством *социологической межпарадигмальности* в виде синтеза теоретических представлений как известных российских социологов – М. Ковалевского, Л. Петражицкого, так и западных – Э. Дюркгейма, М. Вебера, принадлежавших к *разным поколениям* социологических парадигм. Казалось, их подходы не совместимы. Вместе с тем это не просто суммирование их идей, а качественно новый инструментарий, включающий также эмпирический, рационалистический и интуитивный методы [Сорокин, 1992]. Особо подчеркнем, что этот межпарадигмальный подход интегрального толка позволил П. Сорокину радикально развить предмет социологии за счет переоткрытия линейного видения прогресса, обоснования флуктуационного развития суперсистем, а также выдвижения идеи историчности лидерства западной цивилизации. В настоящее время, писал он, «европейское монополистическое лидерство можно считать почти завершившимся. Настоящая и будущая история человечества уже представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африкано-американо-европейского космополитического театра. И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать – помимо Европы, Америки и России – возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира» [Сорокин, 1997: 11].

Т. Парсонс идет еще дальше, обосновав идею *междисциплинарности родственных социальных наук*, которая отразилась не только в его теориях социального действия и социальной системы, но и материализовалась в преобразовании социологического факультета Гарвардского университета в факультет социальных отношений. Ученый осуществил интеграцию методологических принципов М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, З. Фрейда, П. Сорокина, антрополога Б. Малиновского, экономиста А. Маршалла в частности использовал подход последнего к трактовке действия как рационального преследования собственного интереса [Parsons, 1986]. Этот тип междисциплинарности, дополненный совершенствованием эмпирических методов, получает развитие в трудах Р. Мертона, Г. Гарфинкеля и др.

Предмет социологии в контексте сложной междисциплинарности. Четвертое поколение – *метапарадигма рефлексивного модерна* – социологические теории, предметом которых является изучение совместного влияния внешних и внутренних факторов на характер усложняющейся динамики социума, что формирует его *рефлексивную природу*. На этом этапе, собственно, начинается активный переход от ньютоновской к эйнштейновской нелинейной картине мира. Рефлексивные теории возникли как результат *качественного развития* социума – крайний динамизм, глобальность пространства, фрагментации и дисперсии социальной реальности, в которой зарождаются и действуют *рефлексивные* индивидуальные и коллективные акторы. Для этих теорий была востребована адекватная методология *сложной междисциплинарности*, основанная на совместном использовании инструментария как социальных, так и естественных наук, что создавало возможность выявлять потенциал перманентных перемен, неравновесности, случайности, исключений, центробежных и диффузных процессов. Данная методология основывается на *системной интеграции* макро-микроуровневого анализа, позволяющего интерпретировать институциональную рефлексию и внутреннюю саморефлексию социальных акторов.

В мировом социологическом сообществе появились рельефно выраженные тенденции, связанные с развитием сложной междисциплинарности, что прямо сказалось на качественных изменениях в предмете исследований. На Всемирном социологическом конгрессе 2002 г. в Брисбене был образован исследовательский комитет «Социокибернетика».

Возникли тематические группы со сложными предметными полями: «Тело в социальных науках», «Социология локально-глобальных отношений», «Переосмысление цивилизационного анализа» и др. В материалах XVI Всемирного социологического конгресса (Дурбан, 2006) доминируют исследования проявлений рефлексивности, что, в частности, отражено в докладах: «Совмещение позиций Арчер и Бурдые в эмерджентистской теории действия», «Изучение человеческой рефлексивности: суждение с позиций междисциплинарных подходов», «Теория рефлексивности второго порядка», «Структуризация в противовес личной рефлексивности позднего модерна?». XVII Всемирный социологический конгресс (Гётеборг, 2010) констатировал движение социологии к сетевому взаимодействию разных теоретико-методологических подходов. Был дан импульс утверждению в социологическом сообществе сетевых взаимосвязей *ацентричного толка* без деления на «высшую» (что прежде относилось к западным теориям) и «низшую» социологию. Это особенно проявилось в возрастании роли *невидимых колледжей* (коллегий) в сетевом взаимодействии ученых, представителей разных наук, осуществляющих творчество в контексте сложной междисциплинарности. На XVIII Всемирном социологическом конгрессе (Йокогама, 2014) была обоснована идея «междисциплинарных мостов» для анализа современных нелинейных взаимозависимостей. К. Хасегава, руководитель японского организационного комитета Конгресса, высказался за социологию, которая «станет мостом, связующим Восток и Запад, Юг и Север, женское и мужское, прошлое и будущее, молодое и старое, природу и общество, соединяющим всевозможные расколы социологии ради более равного мира» [Hasegawa, 2014: 17].

Сложная междисциплинарность рельефно выражена в работах П. Бурдые (теория структуралистского конструктивизма), Э. Гидденса (теория структуризации), М. Арчер (теория морфогенеза, культуры и деятельности), Н. Лумана (теория аутопоэзиса), П. Штомпки (теории становления, травм). В России ее активно использует ряд социологов: М.К. Горшков (теория диагностики сложного социума, предполагающая сочетание междисциплинарного и контекстуального подходов), В.А. Ядов (теории полипарадигмальности, диспозиционной личности), Ж.Т. Тощенко (теории парадоксального человека, кентавризмов, общества травмы), В.Н. Иванов (социолитературный нарратив), А.В. Дмитриев (теории юмора, скандалов, провокаций), А.В. Тихонов (теория управления, обусловленного контекстом планируемых и спонтанных процессов), С.А. Кравченко (концепции игризации и «нормальной аномии»). При этом подчеркнем, хотя границы наук подвергаются дисперсии, в данной методологии сохраняется *рельефно выраженный социологический стержень*. Вместе с тем возникает иной тип междисциплинарности, предполагающей возможность суммировать и использовать *результаты отдельно взятых монодисциплин*; его можно назвать *результатирующей междисциплинарностью*. Она может быть востребована при анализе гибридных феноменов – биосоциальных, экономико-политических, социокультурных, глоболокальных и других подобного рода реалий, но с использованием инструментария конкретных научных дисциплин. М. Буравой, президент Международной социологической ассоциации (2010–2014), замечает: «Мы нуждаемся как в дисциплинарности, так и междисциплинарности, автономии и связи» [Burawoy, 2013: 10]. На наш взгляд, использование монодисциплинарности, равно как той или иной междисциплинарности, зависит от *характера* исследуемых явлений, их специфичности, сложности. При этом есть тенденция задействовать в ряде комплексных научных проектов оба типа междисциплинарности; примером можно назвать панельное исследование «Человек и его работа», руководителем которого был В.А. Ядов.

Становление постдисциплинарности с социологическим стержнем. Пятое поколение – *метапарадигма постмодерна*, включает теории социологии, других социальных, естественных, гуманитарных наук и даже теологическое знание. У нее свой специфический предмет: изучаются *не конкретные явления*, а, скорее, *вызовы* для жизнедеятельности людей, нынешних и особенно будущих поколений, которые обусловлены *нелинейным развитием, побочными эффектами* воздействия человека на климат, биосферу, земные и водные ресурсы, вызванными *интенсивным прагматическим* использованием научных и технологических новаций.

Методологическая основа этих теорий – *постдисциплинарность*, предполагающая возможность использования как институционального, так и неинституционального знания, самых разных приемов исследования – главное, чтобы они позволяли изучать проявления нелинейной динамики, процессы самоорганизации социума, обеспечивающие возникновение *порядка из хаоса* [Пригожин, Стенгерс, 2001]. Такой тип порядка органично включает в себя новые неопределенности, риски «мирового общества рисков» (У. Бек), сложные уязвимости в виде «нормальных аварий» (Ч. Перроу), «побочные потери» (З. Бауман), ризомные и турбулентные процессы, парадоксы, разрывы, травмы глоболокального социума, метаморфозы современного мира.

Инструментарий постдисциплинарности *пластичен и открыт*: это касается концепций и понятий, которые зачастую наполняются *специфическим* авторским смыслом; типичными становятся категории в виде *метафор* – «гиперреальность», «симулякр», «соблазн» (Ж. Бодрийяр), «грамматология», «след», «страсть» как выражение не патологии, а спонтанности (Ж. Деррида), «ризома», «корень», «дерево», «машины желания» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), «дромология» (П. Вирилио), «текучесть», «ретротопия» (З. Бауман), результатом чего является, по существу, дисперсия границ предмета – под вопрос ставится их легитимность. Дж. Ритцер даже отказывается считать постмодернистские теории социологическими, называя их *социальными* [Ritzer, 1997; 2001]. По нашему мнению, в большинстве этих теорий продолжает сохраняться социологический предмет – *изучение жизни* в контексте ее *новых парадоксов, нелинейного развития, переоткрытия социальной реальности*, в силу чего по крайней мере многие из них можно считать социологическими [Кравченко, 2014]. Несомненно, есть и появляются разные типы постдисциплинарности с доминированием инструментария конкретной науки. Но в контексте изучения динамики предмета социологии мы сосредоточимся на *постдисциплинарности с социологическим стержнем*. В данный подход вносят вклад главным образом общепризнанные ученые-социологи, хотя кто-то из них перестал относить себя к ним.

Постдисциплинарность основывается на переходе от традиционного как «жесткого», так и «мягкого» детерминизма к *неодетерминизму*, предполагающему отказ от линейного развития, принудительной каузальности, иерархической структурности, взамен предлагая изучение *спонтанности, случайности, необратимости*. Для обоснования такого методологического подхода, несомненно, есть определенные основания, характерные для современного социума. Ж. Деррида, заочно полемизируя со сторонниками классического детерминизма, в частности, пишет: «Какой пример? **Вот этот**. Несомненно, говоря “*вот этот*”, я уже говорю больше и нечто другое, я говорю нечто, что выходит за рамки *tode ti*, данности этого примера. Сам пример в качестве такового выходит за рамки своей единичности в той же степени, что и своей идентичности. Вот почему примера нет, хотя и существует лишь **это**; безусловно, я слишком часто на этом настаивал, приводя различные примеры. Показательность примера, несомненно, никогда не является его образцовостью» [Деррида, 1996: 274]. Проявление неодетерминизма в реальной жизни ученый выразил в концепции *ацентризма*, отражающей возникновение в политике, экономике, культуре парадоксальных реалий, в которых «центр и в структуре, и вне ее» – «центр ее в ином месте. Центр – это не центр» [Деррида, 2000: 353]. В самом деле, найти центр той или иной политической партии, лидеры которой лишь производят симулякры борьбы за власть, или теневой бизнес структуры, не говоря уже об организациях современного терроризма, подчас просто невозможно. М. Кастельс утверждает, что современные технологии создают условия для неодетерминистского функционирования сетей во «вне-временном времени» и «безместном пространстве». Соответственно, современные трансформации труда, занятости, коммуникаций (зарождение и развитие «самокоммуникаций»), повседневной жизни происходят в этих же сетевых контекстах, функциональность которых практически открыта для всех [Castells, 2010]. Принципы неодетерминизма реализуются и в социосинергетике [Князева, Курдюмов, 2005; Аршинов, 2012]. Для неодетерминизма характерен отказ от идей прогресса, развития от «низшей» к «высшей» стадии –

их заменяет нелинейность достижений и откатов в развитии, что обусловлено прежде всего становлением *нелинейного времени*, предполагающего развитие от «существующего к возникающему» [Пригожин, 1989; 2006] и без рельефно выраженного вектора и направляющего начала [Моисеев, 1999]. Нормой становятся многообразие ритмов течения времени, сочетание процессов эволюции и коэволюции сложных структур, ускорения и замедления хода развития, резкое увеличение точек бифуркации – определенные периоды в развитии самоорганизующейся системы, в которые активизируются внешние и внутренние факторы, проявляются последствия непредвиденных действий людей, что переводит систему в критическое состояние неустойчивости, влекущее за собой возможности *различных вариантов развития*. Строго говоря, неопределенность не отрицает линейное развитие, рассматривая его, однако, как *частный случай*.

Современные вызовы для жизни людей также обретают *внетерриториальный, космополитический* характер. Познать их природу с помощью прежних парадигм, ориентированных на изучение локально-территориальных реалий, просто невозможно. Соответственно, специфика постдисциплинарности проявляется и в том, что была востребована *космополитическая методология*, которая, по мысли У. Бека, должна вытеснить ранее доминировавший *национальный взгляд* на социум – *методологический национализм*. «До сих пор он [методологический национализм] доминировал в социологии и других социальных науках, таких как история, политология, экономика, которые анализировали общества, исходя из допущения, что они национально структурированы. Результатом этого была система наций-государств и соответствующих национальных социологий, которые определяли их специфические общества в терминах и концепциях, ассоциировавшихся с нацией-государством. Согласно национальному взгляду, нация-государство создает и контролирует “содержимое” общества, что тем самым предписывало ограничения “социологии”». Говоря о сути новой методологии, социолог отмечает, что она «предназначена, чтобы обратить внимание на тот факт, что становление космополитической реальности есть также и главным образом функция вынужденных выборов или побочный эффект неосознанных решений... Космополитизация пересекает границы как безбилетный пассажир, как непредвиденное последствие мирских рыночных решений... В этом смысле космополитизация означает латентный космополитизм, *бессознательный космополитизм, пассивный космополитизм*, который формирует реальность в виде побочных эффектов глобальной торговли или глобальных угроз, таких как изменение климата, терроризм или финансовые кризисы. Моя жизнь, мое тело, мое “индивидуальное существование” становятся частью другого мира, иностранных культур, религий, историй и глобальных взаимозависимостей без моего осознания или выраженного тому желания» [Beck, 2007: 2, 19]. Естественно, изучение этих вызовов невозможно без перехода к качественно новому инструментарию, способному интерпретировать условия жизни людей в глоболокальных реалиях. Кроме того, У. Бек предложил концепцию «*научного незнания*»: «Мировое общество риска является обществом незнания в самом прямом смысле. В противоположность домодерновой эры оно не может быть преодолено большим и лучшим знанием, большей или лучшей наукой; скорее, как раз наоборот: оно – продукт большей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Так, жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [Beck, 2010: 115]. По существу, научное незнание является *постдисциплинарным знанием*, включающим в себя передовые достижения не только социальных и естественных наук, но и *новый уровень «организованного скептицизма»* (Р. Мертон), делающий акцент на учете влияния ненамеренных последствий материализации знания на жизненные миры людей.

У. Бек также предложил основанную на постдисциплинарности *теорию современной метаморфозы*, природа которой из разряда того, что еще недавно относилось к «немыслимому в научном знании». Ее квинтэссенция в следующем. Социология с момента зарождения изучала *социальные изменения жизни людей* главным образом с помощью таких понятий, как «эволюция», «революция» или «трансформация». Однако метаморфозы, все

более характерные для современного мира, не могут быть интерпретированы с их помощью. Теория метаморфозы о радикальных переменах в виде «позитивных побочных эффектов плохого», которые создают немыслимые ранее альтернативные предпосылки жизнедеятельности человека, «вовсе не означающие, что будет успешный путь». Будущее человечества в контексте «метаморфизации» мира зависит от самих людей – характера принимаемых ими «значимых политических решений» [Beck, 2016: 4, 7, 19–20]. Чтобы эти решения работали на *реальное улучшение жизни людей*, разумеется, необходимы не просто совместные усилия представителей разных наук, но переход к *нелинейно-гуманистическому мышлению* и качественно новому типу постдисциплинарности с *гуманистическим вектором развития*. Его предметом являлось бы совокупное знание о жизни людей, реальных и гипотетических потенциалах ее развития без ущерба для человека как homo sapiens. Постдисциплинарность получила развернутое обоснование в *поворотах социологии* к интеграции с теоретико-методологическим инструментарием других наук. Дж. Урри, обосновавший три таких поворота – мобильности, сложности и ресурсности, прямо указывает, что они основываются на «постдисциплинарной методологии» [Urry, 2008: 6], предполагающей иной тип теоретизирования и «другой способ мышления» о гибридах живого и неживого, социального и физического. «Само по себе разделение между “физическим” и “социальным” является социоисторическим продуктом, который, как явствует, разрушается». Естественно, при этом возникают «научные неопределенности», но они *не ведут к разрушению предмета* науки, а, напротив, отныне его *по-новому образуют*. «Порядок и хаос, – подчеркивает социолог, – выражают определенное состояние баланса, в котором компоненты ни полностью замкнуты в конкретном месте, ни полностью исчезли в анархии» [Urry, 2003: 18, 22]. Это принципиально новый взгляд на характер жизни людей, факторы его образующие, которые отныне входят в постдисциплинарную методологию. Она активно используется ученым для исследования влияния *ресурсных ограничений и климатической турбулентности* на жизнедеятельность людей. «Я утверждаю, – пишет он, – что социология сегодня нуждается в другой нише исследования и изучения, в новой предметности. Это пойдет ей на пользу в новом мировом бес/порядке, для которого характерны новаторские ресурсные ограничения... Я также ратую за “ресурсный поворот” в социологии, позволяющий анализировать общества посредством паттернов, шкал и характера их ресурсной зависимости, а также последствий использования ресурсов». При этом отмечается, что до сих пор «нет единой “науки” о климатических изменениях», хотя существуют группы ученых, соперничающих между собой. «Эта фрагментация науки замедлила понимание того, как действительно происходят климатические изменения по всему миру» [Urry, 2011: 16, 23]. Постдисциплинарная методология призвана преодолевать фрагментационные ограничения монодисциплинарного знания. Влияния климатической турбулентности на среду жизни людей изучаются также Э. Гидденсом в контексте развития постдисциплинарности. Им был обоснован эффект, названный «парадоксом Гидденса», суть которого в том, что политики, преследуя прагматические цели в настоящее время, недооценивают воздействие отложенных «рукотворных рисков» на климат, которые проявятся нелинейно в будущем [Giddens, 2009: 2]. С полным основанием можно утверждать, что ныне в предмет социологии входят климатические феномены, реально воздействующие на общественное сознание, поведение людей, среды их жизни.

Особое влияние на развитие постдисциплинарности оказывают *цифровизация социума и развитие цифровых технологий*, амбивалентно влияющие на все сферы жизни людей. Данные проблемы находились в центре внимания участников XIX Всемирного социологического конгресса (Торонто, 2018) [Кравченко, 2018: 18–24]. С одной стороны, возникает принципиально новый, относительно самостоятельный «мир цифры», чьи побочные эффекты влияют на природу человека и общества, живого и неживого, на характер сознательного и бессознательного; но, с другой стороны, сами процессы внедрения цифровизации в жизнь людей в значительной степени основываются на устаревших постулатах формальной рациональности и прагматизма, далеко не всегда учитывают потребность

перехода от видения сущности гуманизма эпохи Просвещения к гуманизму, который был бы адекватен нынешней картине мира. Этот вызов побудил ряд ученых к переоткрытию роли современных технологий, что осуществляется в контексте обоснования *цифрового поворота* [Mosco, 2017; Marres, 2017; Vanderburg, 2016]. Представители последнего выступают решительно за преодоление *абсолютизации* монодисциплинарного знания, считая, что оно основано на устаревших формально-рациональных, прагматических принципах, которые более не адекватны становящимся сложным *цифро-жизненным* реалиям: «Наша наука организована посредством дисциплин, каждая из которых специализируется в одной категории явлений». Проблема в том, что «влияние одной категории доминирует над всеми другими, в результате чего последние могут игнорироваться... [Н]аука, основанная на принципе дисциплинарности, столкнется с серьезными ограничениями в процессе исследования человеческой жизни, общества и биосферы в связи с тем, что будет их трактовать как неживые образования» [Vanderburg, 2016: 3–4]. Это, несомненно, ценное суждение о возрастающей значимости постдисциплинарности. Однако, на наш взгляд, преодоление одного типа абсолютизации (монодисциплинарности) не должно происходить за счет вольной или невольной абсолютизации постдисциплинарности: хотя все меньше остается «чисто» социальных, физических, биологических феноменов, но они есть – и потому собственно дисциплинарный подход сохраняет легитимность, ибо позволяет формировать специфическое и более углубленное знание о конкретном явлении.

Со своей стороны, мы исходим из того, что цифровизация является существенным фактором для переоткрытия современного социума, что требует существенного обновления теоретико-методологического инструментария и уточнения предмета социологической науки. Значимой становится своевременность диагностики и теоретизирования изменений, происходящих с человеком, обществом, технологиями, природой, что становится индикатором валидности знания [Кравченко, 2014: 27–37]. При этом предлагаем придать постдисциплинарности с социологическим стержнем еще и *гуманистический вектор* развития. Предмет социологии, основанный на таком типе постдисциплинарности, ориентировал бы ученых на изучение взаимовлияния человека, общества, биосферы и «мира цифры» с акцентом на выявление побочных эффектов новейших технологий на средовые условия жизни людей. Особо подчеркнем: в условиях становления сложных социотехно-природных реалий сама по себе постдисциплинарность не является универсальной силой, способной дать жизненно важные ответы на возникающие вызовы. Необходима *гуманистически ориентированная* постдисциплинарность, органично включающая в себя как теории хаоса, сложности, цифровизации, так и новые подходы к гуманизму, адекватно отражающие сложности и нелинейности энштейновой картины мира. Такая постдисциплинарность позволяла бы комплексно изучать жизнь человека в условиях становления цифровых реалий, а также с учетом основных факторов производства всего функционально значимого для живого – чистой почвы и воды, благоприятных климатических и атмосферных условий. Есть надежда, что принятие политиками достижений гуманистически ориентированной постдисциплинарности позволило бы обществам обеспечить переход от формально-прагматического к *жизненно значимому* тренду развития. У этой надежды появляются объективные основания. Результаты XIX Всемирного социологического конгресса и 14 Конференции Европейской социологической ассоциации (Манчестер, 2019) существенно развивают предмет социологии в этом направлении. В частности, появились исследования, рассматривающие мировые города как новых акторов, чья экологическая функциональность нацелена на сохранение жизни, защиту окружающей среды, увеличение гуманистической составляющей в труде и отдыхе горожан. Идут исследования возможностей появления новых форм организации «порядка из хаоса», в которых акцентируется значимость человеческой жизни и всего живого. Особые надежды вызывают идеи поиска оптимального взаимодействия человеческого *агентства* и технологического *актанства* – мира машин, функционирующих на основе искусственного интеллекта, predisposed к проявлению собственной «воли» [Latour, 2005; Latour, Woolgar, 2013].

Полагаем, их можно было бы распространить на решение управленческих проблем применительно к становлению цифровых реалий. Намечаются тренды отхода от принципов прагматизма, формального рационализма, абсолютизации экономической эффективности, которые вытесняются поисками «Добра» (З. Бауман, М. Кастельс), новой этики, способной навести мосты между постдисциплинарным знанием с гуманистическим вектором и реальной гуманистически ориентированной политикой.

Наконец, предмет современной социологии не может включать в себя только новейшие вызовы. Для изучения его динамики мы использовали примененный Р. Мертонем «нелинейный метод», предполагающий учет контекста «течения истории в целом, истории идей в частности, а также ход научных изысканий» [Merton, 1993: xix]. Из этой мысли классика следует, что границы между предметами социологических парадигм разных поколений *релятивны*: из того, что создано мировой социологической мыслью на разных исторических этапах, можно и нужно извлекать все ценное для включения в предмет социологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аршинов В.И. Синергетика: от нелинейности к сложности // Неизбежность нелинейного мира. К 100-летию со дня рождения В.С. Гота. М.: Гуманитарий, 2012. С. 60–72.
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
- Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академ. проект, 2000. С. 352–368.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. М.: КомКнига, 2005.
- Кравченко С.А. Новации в социологическом знании: к итогам XIII конференции ЕСА // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 18–24.
- Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 27–37.
- Кравченко С.А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 3–12.
- Мертон Р. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 2. С. 165–166.
- Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М.: Россия молодая, 1999.
- Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: КомКнига/URSS, 2006.
- Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3–19.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Сорокин П. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134–139.
- Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев: Ника-Центр, 1997.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография. М.: Юнити-Дана, 2016.
- Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.
- Burawoy M. Sociology and Interdisciplinarity: The Promise and the Perils // Philippine Sociological Review. 2013. Vol. 61. No. 1. P. 7–20.
- Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Willey-Blackwell, 2010.
- Comte A. Correspondance générale et confessions. T. 1: 1814–1840. Paris; La Haye: Mouton, 1975.
- Giddens A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Hasegawa K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13–19 July. Yokohama, Japan, 2014. P. 17.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 2013.
- Marres N. Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Merton R. On the Shoulders of Giants. Chicago; London: University Chicago Press, 1993.

- Mosco V. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Ltd, 2017.
- Parsons T. *The Marshall Lectures*. Uppsala: Uppsala University Press, 1986.
- Prigogine I. *The End of Certainty*. New York: Free Press, 1997.
- Ritzer G. *Explorations in Social Theory. From Metatheorizing to Rationalization*. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2001.
- Ritzer G. *Postmodern Social Theory*. New York: The McGraw-Hill Companies, 1997.
- Urry J. *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2008.
- Vanderburg W.H. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press, 2016.

Статья поступила: 12.12.19. Принята к публикации: 10.02.20.

DEVELOPMENT OF THE SUBJECT OF SOCIOLOGY: FROM MONODISCIPLINARITY TO INTER- AND POST-DISCIPLINARITY

KRAVCHENKO S.A.

MGIMO University, Russia

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Philos). Prof., Head of the Department of Sociology, MGIMO University; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Abstract. The article focuses on the analysis of the dynamics of the subject of sociology, proceeding from the fact that all sociological paradigms have studied, one way or another, the conditions and tendencies of changes in the life-worlds of people, although the representatives of each of them did it in their own way, which was determined by the dominant social problems. The accelerating and complicated development of nature and society under the influence of the “arrow of time” (I. Prigogine) required the complication of theoretical and methodological tools, which resulted in successive transitions from mechanistic monodisciplinarity, the instruments of which were borrowed from the natural sciences, to sociological disciplinarity, then to the increasingly complex interdisciplinarity and further to the development of post-disciplinarity, which, however, preserves the sociological core. At the same time, the article reveals specific contribution of world sociological congresses that took place in the 21st century, as well as individual scientists, to the development of the subject of sociological science in the context of the transition from Newtonian to the nonlinear-Einstein picture of the world. The author comes to the conclusion that the transition to more complex, actually modern inter- and post-disciplinary methodologies does not mean diminishing or denying the significance of previously created tools – each of them can be effective for the analysis of phenomena of different structural and functional complexity. He also suggests that post-disciplinarity with the sociological core should be given a humanistic vector of development. In this he sees the general prospects for the humanization of knowledge and life-worlds of people in the development of digital technologies, which carry both unprecedented alternatives to life and side-effects for people and society.

Keywords: subject of sociology, generation of sociological theory, metaparadigm, “arrow of time”, Newtonian’s worldview, Einstein’s worldview, non-linearity, monodisciplinarity, inter-disciplinarity, post-disciplinarity, metamorphoses, humanism.

REFERENCES

- Arshinov V.I. (2012) Synergetics: from Nonlinearity to Complexity. In: *Inevitability of the Nonlinear World. To the V.S. Gotha Centenary*. Moscow: Gumanitarniy: 62–70. (In Russ.)
- Beck U. (2007) *Cosmopolitan Version*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2010) *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Burawoy M. (2013) Sociology and Interdisciplinarity: The Promise and the Perils. *Philippine Sociological Review*. Vol. 61. No. 1: 7–20.
- Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Willey-Blackwell.
- Comte A. (1975) *General Correspondence and the Confessions*. Vol. 1: 1814–1840. Paris; La Haye: Mouton. (In Fr.)
- Derrida J. (2000) Structure, Sign and Play in the Discourse of the Human Sciences. In: Derrida J. *Writing and Difference*. St. Petersburg: Akadem. Proekt: 352–368. (In Russ.)

- Durkheim E. (1991) *The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Giddens A. (2009) *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity Press.
- Hasegawa K. (2014) Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee. In: *XVIII ISA World Congress of Sociology*. 13–19 July. Yokohama, Japan: 17.
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. (2005) *Foundations of Synergetics*. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2018) Innovations in Sociological Knowledge: a Summary of 13th Conference of ESA. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 18–24. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2014) Re-discovery of Social Reality as an Indicator of Sociological Knowledge Validity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 27–37. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2007) Sociological Theory: Discourse of the Future. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 3–12. (In Russ.)
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Latour B., Woolgar S. (2013) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Marres N. (2017) *Digital Sociology: The Reinvention of Social Research*. Cambridge: Polity Press.
- Merton R. (1993) *On the Shoulders of Giants*. Chicago; London: University Chicago Press.
- Merton R. (2000) Science and the Social Order. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. II. Iss. 2: 165–166. (In Russ.)
- Moiseev N.N. (1999) *To Be or Not to Be... of Humankind?* Moscow: Rossiya molodaya. (In Russ.)
- Mosco V. (2017) *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Limited.
- Parsons T. (1986) *The Marshall Lectures*. Uppsala: Uppsala Univ. Press.
- Prigogine I. (1997) *The End of Certainty*. New York: Free Press.
- Prigozhin I. (1989) The Re-discovery of Time. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. No. 8: 3–19. (In Russ.)
- Prigozhin I. (2006) *From the Existing to the Arising. Time and Complexity in the Physical Sciences*. Moscow: KomKniga/URSS. (In Russ.)
- Prigozhin I., Stengers I. (2001) *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Ritzer G. (1997) *Postmodern Social Theory*. New York: The McGraw-Hill Companies.
- Ritzer G. (2001) *Explorations in Social Theory. From Metatheorizing to Rationalization*. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications.
- Sorokin P. (1992) My Philosophy is Integralism. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 134–139. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1997) *The Main Trends of Our Time*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Spencer H. (1997) *Synthetic Philosophy*. Kiev: Nika-Centre. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *The Sociology of Life: Monograph*. Moscow: Uniti-Dana. (In Russ.)
- Urry J. (2003) *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.
- Urry J. (2008) *Mobilities*. Cambridge: Polity Press.
- Urry J. (2011) *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press.
- Vanderburg W.H. (2016) *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press.
- Weber M. (1990) Basic Sociological Concepts. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress: 602–643. (In Russ.)

Received: 12.12.19. Accepted: 10.02.20.